

Там, где *Экхарт* — логик, он уже не мистик. Начинается иная жизнь этого мыслителя — как средневекового схоласта. Вот эти места его трактата. *«Если бы кто-то сказал: «Он взглянул на мою отрешенность», то тем самым отрешенность была бы уже помрачена, так как вышла бы из самой себя»* (с. 56). Рефлексия разрушает мистическое состояние. *«Они понимают три лица как три коровы или три камня! Но тот, кто может постигать без числа и множества различия в боге, тот познает, что три лица — один бог»* (с. 5).

Конечно же, сподручней пересчитать в троице все ипостаси поштучно и определить каждую из них в отдельности. Но здесь-то и заключена ее, мистики, смерть. Мистика становится комфортом, эстетической потребой. Тогда мистическое слово недееспособно. М. В. Сабашникова в предисловии к сочинению *Экхарта* точно определяет мистику действенную, живую: *«Для мистика сущность человеческой мысли и божественной — одна. Человеческая мысль — отражение мысли божественной и следует ее движениям, потому она действительна. Бог мыслит себя в человеке. Мысль мистика — органическая жизнь его... «я», раскрытие этого «я», основа и сущность которого божественна»* (с. XXXIX). *Экхарт* скажет: *«Здесь божья глубина — моя глубина и моя глубина — божья глубина»* (там же).

Живая действительность, вдохновенная сиюминутность безусловна, радостна. Ей не нужно никакого внешнего закрепления — в догмате ли, в символе. Достигается полная слиянность собственного «я» с «Я» мировым. Закон не ощущается как внешняя сила. Человек, следуя закону, сам же его и творит. У *Экхарта* это так: *«Находите все в себе и себя во всем»* (там же).

Если схоласт мыслит о боге, мистик мыслит бога. Точнее: мистик мыслит *«божественно»* (там же). Или: если мистик мыслит вещь, бога в этой вещи, схоласт мыслит о вещи, по поводу вещи, о боге, по поводу бога в этой вещи. Предел мышления мистика неизречен. Предел мышления схоласта — тоже бог. Но в терминах схоластики о нем можно помыслить.

Вспомните вопросник архиепископа *Юлиана Толедского*, облегчающий мышление схоласта, — о ногтях, волосах и прочем у воскресших по смерти. А теперь сравните у *Августина*: *«Как бы стрелой пронзили меня глупые оболъстители, спрашивая: ... ограничивается ли бог телесными очертаниями и есть ли у него волосы и ногти»*. Если для мистика эти разрывающие образ вопросы невозможны в силу их полнейшей для него бессмысленности, то для схоласта они — норма, предпосылка его мышления. Вопросы *Юлиана* с точки зрения мистика бьют мимо цели, ибо цель — сущность. Они холостые, «схоластые», патроны, призванные разрушить вещь как образ, как целостность, столь значимые для мышления мистического.

Стало быть, мистика и схоластика противостоят. Мышление мистика и мышление схоласта — два сосуществующих относительно самостоятельных типа средневекового мышления. Но и мистик, и схоласт — люди од-